

Есть люди, которых невозможно представить отдельно друг от друга. Даже, если закрыть глаза, сжать кулаки и... нет, все равно не получается, настолько они близки. Когда Алексей появляется в своем кабинете, значит, где-то рядом находится и Валентина. Что же тогда говорить о передаче «За Кремлевской стеной», которую супруги ведут вместе. Поэтому и на вопросы корреспондента «ВМ» они отвечают, конечно же, вдвоем. Алексей Пиманов и Валентина Жданова.

— Старая китайская поговорка гласит: «Самый длинный путь начинается с первого шага». С чего начинали вы?

А. — На телевидение я пришел в 1985 году. В то время я уже печатался и твердо знал (простите за самонадеянность), что буду тележурналистом. Специально пошел в отдел оперативных съемок, постепенно освоил камеру, затем монтаж. Потом стал снимать как оператор. Два года подряд проходил школу, которую я нигде бы больше не прошел: каждый день ездил на съемки с разными режиссерами, журналистами. Во время работы они невольно раскрывали свои секреты, а я старался запоминать все — и плюсы, и минусы. Даже завел себе тетрадь, куда записывал все, что увидел за съемочный день. И снимал, снимал до одурения. Ну а дальше, когда посчитал, что созрел, стал работать в программе «Ступени» редактором, спецкором, комментатором. Параллельно снимал как автор и режиссер несколько совместных с французами и американцами фильмов. С 1990 года работал в «ВИДе», и уже потом пришел сюда, в студию «Политика» (теперь «Резонанс». — В. В.).

В. — Я впервые переступила порог «Останкина» в конце 70-х, бу-

ДВЕ ЛЮБВИ АЛЕКСЕЯ ПИМАНОВА

дучи еще студенткой факультета журналистики. А потом жизнь складывалась так, что и за границей пришлось поработать, и диссертацию написала, и даже дочь произвела на свет. А вот основную свою мечту — окончательно осесть на телевидении — смогла осуществить только четыре года назад, когда закрывали «Взгляд», и Влад Листьев, мой бывший однокашник, задумывая новую программу, пригласил меня принять в этом участие. Так я стала первым редактором «Поля чудес». Когда программа встала на ноги, я со спокойной совестью занялась серьезной журналистикой, уйдя вместе с Алексеем в студию «Политика». А дальше родилась программа «За Кремлевской стеной».

— Как вы пришли к идее создания своей передачи?

А. — Наша мечта была: сделать передачу обо всем, наподобие «Ступеней». Не будем долго объяснять, но это очень тяжело осуществить. Самое сложное на телевидении — не снять новую программу, а поставить ее в эфир. На тот мо-

мент в студии «Политика» дела шли отнюдь не блестяще, и нам предложили туда перейти. А так как эта студия носила пугающее название «Политика», нам пришлось из одной рубрики своей программы сделать целую передачу. Так и по-

явилась «За Кремлевской стеной».

— Раньше бытовало мнение, что человек, который отвечает в «Останкино» за политику — это страшный человек. К Алексею, теперь уже директору студии «Резонанс», такое утверждение в какой-то мере подходит или нет?

В. — Ну, во-первых, за политику в «Останкино» отвечают другие люди. Алексей возглавляет одну из студий с приоритетом политики, вот и все. Думаете, мы случайно переименовали студию в «Резонанс»? Мне трудно быть объективной, но не скрою, поначалу боялась, что, будучи очень доброжелательным человеком в жизни, Алексей не сможет проявить достаточной жесткости, когда это потребуется. Теперь понимаю, что ошибалась. А главным его качеством считаю объективность, умение абстрагироваться от личных симпатий и антипатий.

А. — Понимаешь, для меня самое важное — человеческие отношения. Я уверен, что нельзя быть лишь наполовину порядочным, как это пытаются делать многие на ТВ. А виновата во всем предэфирная психо-

логия. Когда люди останавливаются в шаге от эфира, а периодическое появление на экране очень быстро приводит к известности, они начинают вести себя несколько по-другому. Конкурентов здесь бьют натыком. Ну, а дальше срывается

закон конуса: чем выше, тем теснее. И надо быть очень уверенным в себе человеком, чтобы не растеряться и не начать играть по тем же правилам.

— Бывают ли между вами дискуссии на политические темы или вы уже достигли полного консенсуса?

А. — Вне работы мы стараемся поменьше говорить о политике, а так как мы на работе с утра до вечера...

В. — Разногласия у нас бывают в чисто профессиональном плане. В первое время это очень тяжело нами переживалось. Дело доходило до моих слез, истерик. Леша на съемках очень жесткий человек. Правда, теперь мы научились работать спокойно.

А. — Я — режиссер на съемочной площадке. Отсюда и все проблемы. В первое время мы никак не могли отбросить в сторону наши личные взаимоотношения. Трудно это и теперь, но вроде бы нам удалось найти золотую середину.

— Алексей, как ты считаешь, сколько тебе надо времени, чтобы

сделать студию такой, какой ты ее себе представляешь в идеале?

А. — Еще в феврале здесь был жуткий развал, черная дыра, куда проваливалось все. И казалось, сдвинуть эту машину быстро не удастся. Лучше создавать новое, чем

реанимировать старое. Сколько грязи на нас вылили за это время! И слава Богу, что шаг за шагом удалось вытянуть студию из прорыва. Ее сейчас хвалят и ругают, критикуют и обсуждают, а значит, студия зажила.

Все, что касается планов, которые мы наметили, — дай Бог, к лету следующего года осилить половину из них. Хватило бы нервов. Закон конуса работает... А пока впервые за три года мы едем отдыхать: мне просто не терпится лечь на песок и ни о чем не думать.

В. — Алексей только так говорит. Он даже в отпуске будет скрупать все газеты и читать их без перерыва.

А. — Ну и что, для меня получение информации — это не работа. Это удовольствие. Вся наша работа делится на две части. Первая — накопление информации, вторая — выплескивание ее. Так что будем отдыхать. Хорошо, что есть на кого теперь оставить студию. Это раньше стоило мне на несколько дней уехать, там бы такого натворили. Слишком много было «доброжела-

телей». Даже вспоминать не хочется...

— Ну, а как у вас со свободным временем?

В. — Хал С этим директорством наша личная жизнь растворилась в останкинских коридорах. Мы теперь очень редко бываем в театре, в гостях, гуляем по Москве. Естественно, что я отношусь к этому очень болезненно.

А. — Я исправлюсь.

В. — Ну-ну!

А. — Что поделаешь, все через это проходят, даже раскручивая одну программу, а тут еще и студия. Хотя все складывалось очень тяжело. Была, например, ситуация, когда нашу программу «затоптали». Нас просто взяли и выкинули из эфира...

В. — Мы долго не могли понять, с чем это связано. Даже и подумывать не могли, что все это из-за личных мотивов.

А. — Только сейчас, выходя стабильно в эфир, мы получили высокий рейтинг. Но нет худа без добра. Та ситуация с программой стала переломной. Именно из-за нее я принял предложение стать директором студии. Надо защитить себя и людей, которые в этом нуждаются, от любых «личных мотивов». У нас ведь как принято: бьют только заметные программы. Сколько серости выходит за неделю, а ругают или хвалят от силы два десятка программ. Часто бьют просто из зависти. И вот здесь я обязан защитить тех, с кем работаю. Иначе грош мне цена. Беседовал

В. ВЛАДИМИРСКИЙ.